

Православная культура России

О. Г. Щеглова, кандидат филологических наук,
доцент Новосибирского государственного университета

ИЗ ИСТОРИИ СТИШНОГО ПРОЛОГА

В круге чтения древнерусского человека в XII в. появляется житийный сборник под названием Пролог. Переведенный первоначально для богослужебных целей на древнерусской почве Пролог практически сразу пополнился нравоучительными рассказами и поучениями, стал своеобразной православной энциклопедией. Он очень быстро становится популярным четвым сборником, одной из любимых книг православных христиан, многократно переписывается в различных книжных центрах Древней Руси и довольно широко распространяется. О степени распространенности Пролога на Руси свидетельствует количество сохранившихся списков этого сборника: в древлехранилищах различных российских библиотек и архивов находится более 3000 рукописных Прологов разного вида.

Стишной Пролог (далее — СП) представляет особую разновидность Пролога. Отличительной особенностью СП по сравнению с Прологом простым (нестишным) является наличие в нем предваряющего проложную статью двустишия, освещающего тему этой статьи. Например, под 23 мая в Стишном Прологе находится «Память преподобного отца нашего Михаила, епископа Синадского». После заголовка помещается двустишие, выделяемое в рукописи словом «стих»: «**Отъ вльнѣмаго житиѣ мало нѣкако издѣхнѣвъ рѣшитѣ Мнѣхана яко же нѣкы облакъ льгѣкъ въ кѣ Мнѣханъ въстече ѿ земли**».

Пролог использовался на Руси в качестве книги для назидательного чтения в монастырях и в домашнем кругу в течение шести веков, с XII по XVII. Стишной Пролог появился в Древней Руси в XIV в. Распространенность Стишного Пролога была менее широкой. Так же, как и Пролог простой, он использовался в качестве нравоучительного четвего сборника. Его читали в семейном кругу, за трапезой в монастырях. Состав чтений в Прологе простом и Стишном Прологе в основном совпадал. В Прологах

содержались тексты о различных святых и мучениках, христианских праздниках, отрывки из житий, сказания, нравоучительные повести и слова отцов Церкви. Все тексты в Прологе распределялись по дням древнерусского года с 1 сентября по 31 августа, при этом содержание чтений как бы распадалось на 2 части: так называемые «памятийную» и «житийную». В памятной части находились памяти византийским, инославянским и древнерусским святым, а также праздникам и различным датам в истории христианства. Житийная часть содержала нравоучительные повести, сказания, жития, слова проповедников и отцов Церкви. В списках Пролога наблюдаются различия в выборе нравоучительных слов и сказаний, что, вероятно, было вызвано тем, что переписчики или составители той или иной редакции (группы списков) пользовались разнообразными и многочисленными источниками для оформления, а в дальнейшем и для пополнения второй, житийной, части. Так, в некоторых рукописях часто встречаются «Слова от бесед св. отца Зосимы». В других отдается предпочтение «Словам Григория Беседовника (Богослова)» и «Словам от патерика». В третьей группе списков нравоучительная часть представлена «Словами от патерика», «Словами св. Ефрема», «Словами Иоанна Златоустого», «Словами от Лимониса».

Стишной Пролог до сих пор не изучался отдельно от нестишного. Почти все исследователи, обращавшиеся к изучению Пролога, так или иначе упоминали и о Стишном Прологе, высказывая некоторые верные предположения относительно его истории, но все эти догадки и замечания были сделаны без обращения к источникам, к тексту самого Стишного Пролога.

Одним из первых обратился к Прологу и определил его ценность В. М. Ундольский. Он писал: «Пролог — книга, всего чаще употребляемая во всем греко-русском христианском мире и всего менее исследованная нашими учеными, между тем содержащая множество истинных драгоценностей и для духовного, и для светского ученого не только в рукописях, но и в печатных изданиях» (1846, с. 81). Ундольскому было еще неизвестно, кто и когда составил Пролог, тем не менее ученый заметил, что первоначально Пролог содержал только краткие памяти святым, впоследствии же пополнился поучительными словами и выписками из патериков. Он же разделил «славянские Прологи на три разряда: 1) краткие без поучений и других прибавочных статей, они редки...; 2) со вставочными статьями и со стихами перед каждым днем года; и 3) со вставочными статьями, но без стихов. Второго разряда Прологи довольно редки, а последнего всего чаще встречаются» (Ундольский, 1846, с. 82–83).

Наиболее крупное исследование Пролога в дореволюционной России было предпринято архимандритом Сергием в книге «Полный месяцеслов Востока», вышедшей впервые в 1875 г. Второе издание, уточненное и дополненное, вышло в 1901 г.

Прежде всего, архимандрит Сергей говорит о происхождении самого названия — Пролог. Он считает, что «название сей книги Прологом в России произошло, по всей вероятности, от того, что греческий Синаксарь, который переведен был на славянский язык, имел предисловие (пролог), которое предшествовало Синаксарю; от этого оглавления и получила название у славян вся книга» (1901, с. 5–6).

Далее архимандрит Сергей в своем труде прослеживает историю первого синаксаря, составленного в X в. и известного в литературе под названием Менология (месяцеслова) императора Василия. Архимандрит Сергей выделяет две редакции месяцеслова Василия. «Первая редакция... известная нам только на славянском языке, есть перевод с греческого Пролога, доселе в оригинале неизвестного. Она после дополнена и изменена славянином — это вторая редакция того же месяцеслова» (там же, с. 292). В 1727 г. Менологий Василия II был издан на латинском языке.

Славянские Прологи архимандрит Сергей считает не чем иным, как дополненными редакциями месяцеслова Василия, и выделяет две редакции славяно-русского Пролога: «...одну кратчайшую, составленную Ильею Греком и Константином, митрополитом Мокисийским, и другую, более пространную, славянином составленную» (там же, с. 303). Автор рассматривает отличия первой редакции славяно-русского Пролога от самого месяцеслова Василия и отличия второй редакции от первой и доказывает, что краткая редакция древнее пространной.

Точное время и место перевода месяцеслова Василия на церковнославянский язык неизвестны, но по косвенным словарным данным можно предположить, что в переводе участвовали русские книжники. Согласно мнению архимандрита Сергия, Синаксарь был переведен на Руси не позднее начала XII века. Если предположить, что Синаксарь переводили в Константинополе, то, вне всякого сомнения, делалось это для нужд именно Русской Церкви; вполне вероятно, что это было сделано для Киево-Печерского монастыря, студийский устав которого предписывал чтение Синаксаря.

На Руси Пролог практически сразу был дополнен большим количеством назидательных чтений, рассказами из патериков, отрывками из житий святых, поучениями Иоанна Златоустого и Ефрема Сирина. Такое

значительное редактирование греческого Синаксаря было сделано, по-видимому, в каком-то крупном книжном центре, где была большая библиотека древнерусских и переводных книг. Существует предположение, что инициатором переработки Синаксаря был древнерусский писатель и церковный деятель Кирилл Туровский. Основывается это мнение, в частности, на том, что только списки второй редакции имеют в своем составе единственное известное житие Кирилла, епископа Туровского.

Особый раздел в книге архимандрита Сергия посвящен Стишным Прологам. Автор пишет об их отличительных особенностях: «1) ...сии Прологи несравненно богаче памятьми и сказаниями, чем месяцеслов Василия и обе его редакции, чем Прологи Петров и Кларомонтанский; 2) язык этих сказаний более искусственен, чем в месяцеслове Василия и обеих его редакциях; 3) сказания очень неравномерны: одни очень кратки, другие очень велики, так что походят на жития, есть между ними и средние; 4) при каждой почти памяти находятся или два стиха ямбические или три стиха — два ямбические и один героический, три стиха находятся при первом святом дня; 5) в некоторые дни находятся после сказаний нравственные повести» (там же, с. 323).

Исследователь полагает, что составитель СП имел под рукой различные виды Прологов, в том числе Петров, Кларомонтанский и месяцеслов Василия, из которого были прямо взяты некоторые сказания. Вероятно, создатель СП и сам составил некоторые сказания, особенно пространные. Несомненно, что он имел «синаксари другие и другого рода», в которых означался род смерти мучеников, поскольку в СП имеются памяти такого вида, тогда как в известных прологах «род смерти мучеников, о коих нет сказаний, не означается» (там же, с. 324). Архимандрит Сергий пишет о существовании двух редакций греческого Стишного Синаксаря: краткой и пространной. Возможно, автором краткой редакции, возникшей не ранее 1-й половины XII в., является Маврикий, дьякон Великой Церкви в Константинополе (там же, с. 326). Само содержание СП указывает на независимость автора от главных центров иноческой жизни. В дальнейшем, видимо, в XIII—XIV вв., СП был приведен в соответствие с иерусалимским уставом (там же, с. 329). Архимандрит Сергий считает, что автором стихов был Христофор Митиленский, и тогда, судя по времени его жизни (1000—1050 гг.), первый СП должен быть отнесен ко 2-й половине XI в. (там же, с. 330). Перевод его на славянский, по мнению автора, был осуществлен в XIV в., но от этого времени славянских СП до нас дошло чрезвычайно мало. Архимандриту Сергию были известны список 1370 г. сербского извода, отрывок XIV в. болгарского извода и один русский список до XV в. из собрания Чудова монастыря.

Е. В. Петухов в своей статье «К истории древнерусского Пролога», опубликованной в 1894 г., отмечал: «Позднее обыкновенного Пролога в Греческой Церкви получил существование Стишной Пролог... По содержанию он находится в несомненной связи с обыкновенным Прологом императора Василия и происшедшими от него редакциями, но с прибавлениями многих памятей и сказаний; в изложении его замечается более искусственности» (с. 5). По мнению Е. В. Петухова, СП составлен не ранее 2-й половины XII и не позднее начала XIII в. Более пространная редакция греческого СП явилась не ранее XIII и не позднее XIV в. «Стишной Пролог греческий повел за собою существование СП славянского» (там же, с. 5).

В 1914 г. выходит «История древней русской литературы» М. Сперанского, где среди пособий «церковно-исторического и в то же время учительного характера» (с. 197) автор рассматривает Пролог. Анализируя состав Пролога, Сперанский заметил определенную иерархию в размещении святых под данным числом. Далее автор решает вопрос о времени и месте перевода греческого Пролога, указывает на большое распространение Пролога на Руси и на его огромное влияние на письменность и устную словесность. Остановившись на особенностях СП по сравнению с простым, автор пишет: «Стишной отличается от простого и редакциями отдельных житий, и самим составом всего памятника... сверх того, при каждом житии... помещается стих — два-три, чаще всего ямбических (в греческом) стиха, содержащих характеристику святого, чаще всего в виде истолкования его имени». По мнению Сперанского, СП «...явился в Византии довольно поздно, около XII—XIII века, и вскоре был переведен на болгарский (вероятно, в эпоху Ефимия), быстро вытеснил старый „простой“ на юге славянства, а в XV в. появился и у нас, но здесь он застал уже ставший популярным и осложнившийся старый Пролог „простой“, поэтому в русской письменности он заменить собой старого Пролога не мог, а стал лишь источником для дополнения, расширения этого русского Пролога и в отдельных русских списках встречался редко» (там же, с. 486).

О СП делали замечания и русские ученые XX века, исследовавшие Пролог простой.

Так, в статье «Славяно-русские Прологи» (1973) Н. Д. Бубнов характеризует СП как особый вид Пролога, кратко останавливаясь на уже известных отличительных особенностях его и времени его перевода на славянский. Автор также не совсем справедливо (как сейчас известно) утверждал, что «СП редакций не имеет» (с. 283).

Е. А. Фет, приводя данные о существовании 3-й редакции Пролога, сделанной в XV в. в Пскове, сделала несколько замечаний относительно СП: «Наряду с обыкновенным... Прологом на Руси обращался Стишной Пролог, имевший независимое происхождение (история его до сих пор не исследована). Он был принесен в конце XIV в. из Сербии, переписывался на Руси в нескольких редакциях и был использован при составлении первого Печатного Пролога 1641 г.» (1980, с. 55).

А. А. Турилов обратился к СП в связи с изучением оригинальных южнославянских сочинений в русской книжности XV—XVI вв. На материале СП он решает вопросы времени появления и степени распространения болгарской и сербской агиографии на Руси (см.: 1978, с. 39—50).

Интерес к Прологу как памятнику церковнославянской письменности и ценному источнику по истории русского литературного языка заметно возрос в 1970—1990-е гг. в связи с работами Л. П. Жуковской. Ею было проведено лингвотекстологическое исследование более 380 списков Пролога (в том числе 66 списков СП) сентябрьской половины, результаты которого были изложены ею в докладе на IX Международном съезде славистов (1983, с. 110—120) и в целом ряде более поздних работ. В частности, Л. П. Жуковской было выделено 3 редакции СП сентябрьской половины: Стиховая, Неопределенная и собственно Стишная. По мнению Л. П. Жуковской, высказанному ею в одной из статей (см.: 1991, с. 61), СП впервые появился в Византии в XII в. У южных славян древнейшие списки СП относятся к концу XIV в., на Руси он появляется, по-видимому, к середине XV в. как переработка южнославянского перевода.

Обращаясь к Прологу и СП в своих статьях, Л. П. Жуковская подчеркивала значение Пролога как ценного лингвистического источника и решала на его материале многие проблемы истории русского литературного языка. В частности, проблемы второго южнославянского влияния, проблемы грецизации и архаизации русского письма в XVI в. В одной из последних своих работ она снова писала о малоизученности Пролога: «Пролог как памятник письменности мало привлекал внимание исследователей, а в лингвистическом плане рассматривался только в наших статьях» (1991, с. 61).

Таким образом, СП как самостоятельный памятник церковнославянской письменности древней и средневековой Руси, имеющий свою собственную историю, до сих пор не изучался. В связи с этим требует решения вопрос о времени и месте перевода СП на славянский язык, а также времени и месте переработки его древнерусскими книжниками. Исследователи лишь предполагают, что СП был освоен в Древней Руси XIV в. через

посредство южнославянских списков (Бубнов, 1973; Фет, 1980; Жуковская, 1983). Вопросы, связанные с существованием и развитием СП на Руси, определение времени и места создания его редакций, проблема пополнения его нравоучительной части, сопоставление с греческим оригиналом также требуют изучения. Решение этих вопросов истории текста в конечном итоге могло бы привести к критическому изданию текста этого памятника.

В докладе на IX Международном съезде славистов Л. П. Жуковской были высказаны мысли о значении и задачах изучения Пролога, которые в полной мере можно отнести и к СП: «Пролог — это комплекс проблем, который не может быть исчерпывающе изучен даже за несколько десятилетий усиленных разысканий в сфере славянского рукописного наследия. Ведь Пролог и в истоках, и в своей многовековой эволюции был связан почти со всем объемом письменности: с литературой, обслуживающей нужды Церкви, с собственно повествовательной литературой, с „учительной“ и с конкретными сборниками „устойчивого содержания“ типа „Златоуста“» (1983, с. 111). Таким образом, большая текстологическая сложность СП вызывает необходимость детального изучения списков СП, которое сосредоточивалось бы на анализе отдельных статей, расположенных под определенными датами. По мнению Л. П. Жуковской, для того чтобы пролить свет на непростую историю славянского Пролога, являющегося весьма важным компонентом древней и средневековой славянской письменной культуры, необходимо выявление и обобщенное исследование всех находящихся в древлехранилищах мира списков Пролога по какой-либо текстологической примете. С лингвистической точки зрения интересным представляется сравнение таких одинаковых текстов, относящихся к разному времени, которое позволило бы судить о развитии церковнославянского языка с XIV по XVII век. Исчерпывающий ответ на все нерешенные вопросы в истории СП может быть получен только после изучения всех сохранившихся списков СП в их полном объеме.

В данной статье нам хотелось бы предложить вниманию читателя итоги нашего исследования истории бытования мартовских списков этого памятника письменности на русской почве.

Установление основных этапов в истории СП и генетических отношений между исследуемыми списками строилось на основе лингвотекстологического метода, разработанного Л. П. Жуковской, которая в течение многих лет изучала состав и язык памятников церковнославянской письменности, в частности Евангелия.

Необходимо предшествует лингвотекстологическому анализу типологическое изучение списков. Под типологическим изучением мы, вслед

за Л.П. Жуковской, понимаем «такую часть текстологического исследования, которая охватывает элементы структуры изучаемых списков одного и того же памятника» (1968, с. 205). Целью типологического исследования является определение места каждой отдельной рукописи в семье или группе списков данного памятника и, в конечном итоге, построение генеалогической классификации сохранившихся списков этого памятника.

Результаты таких исследований имеют важное значение для истории церковнославянского языка, поскольку ближайшие родственные списки, объединенные по типологическим данным в одну группу или семью, имеют и общие языковые особенности, которые указывают на общее территориальное происхождение, либо на происхождение из одного культурно-исторического центра, либо даже из одного скриптория. В нашем исследовании на основе типологического анализа 30-ти известных нам списков СП представлены предварительные сведения об истории формирования и развития СП в средневековой Руси, определены главные этапы этой истории.

Типологически нами было проанализировано около 1313 статей, входящих в состав СП мартовского полугодия. Для исследования было привлечено 30 списков СП мартовской половины из рукописных собраний ГПНТБ СО РАН, БАН России, РНБ, Пушкинского дома (ИРЛИ), РГИА, РГБ.

В ходе анализа состава чтений на каждый месяц мартовского полугодия было выявлено 5 групп списков: Хутынская (11 списков), Южнославянская (7), Синодская (6), Троице-Сергиевская (4), Устюжская (2). Эти группы определились на основе различий в помесечном составе списков, которые могут заключаться в количестве памятней и нравоучительных слов, в их последовательности на один день, в наличии или отсутствии отдельных памятней и нравоучительных слов, в нахождении одних и тех же чтений под разными числами в разных рукописях.

Число статей на один день различно по спискам разных групп. Для примера можно привести состав чтений на 5 мая. Так, рукописи Хутынской группы на этот день содержат четыре чтения: «Память Ирины», «Память Пелагии, иже от Тарса», «Слово о св. Сисои, како словом воскреси умершаго», «Слово о покаянии и прощении грехов». Списки Южнославянской и Троице-Сергиевской групп под этим числом содержат две «Памяти»: Ирины и Пелагии. В списках Синодской и Устюжской групп на 5 мая есть лишь «Память Ирины».

Группа южнославянских списков выделена нами на основании того, что в них содержится меньше всего чтений по сравнению со списками других групп, в этих Прологах нет житийной части, отсутствуют памяти древнерусским святым, славянских статей две: «Память свв. мчч. болгарских — 23 июля» и «Память христиан и братьев наших болгарских — 25 июля». Все списки инославянского извода, вследствие чего она и названа Южнославянской.

В списках Троице-Сергиевской группы нравоучительные повести распределены по дням года. Для этой группы характерно наличие следующих славянских и русских статей: «Перенесение мощей св. Вячеслава, князя Чешского — 4 марта», «Перенесение мощей мчч. Бориса и Глеба — 2 мая», «Успение Феодосия Печерского — 3 мая», «Обретение мощей Леонтия Ростовского — 23 мая», «Слово о внесении телесе св. Леонтия в новую церковь — 23 мая».

Группа названа по старшему списку из собрания Троице-Сергиевой Лавры, выделена на основе различия состава чтений по сравнению с другими группами. Памятийная часть сходна с чтениями Южнославянской группы, но добавлены памяти русским святым, житийная часть дополнена нравоучительными повестями, житиями, словами отцов Церкви, отличными от нравоучительных сказаний Хутынской и Синодской групп. Добавлялось в основном по одному поучению на каждый день. Отличие Троице-Сергиевской группы от других в следующем: 30 марта во всех списках этой группы пророк Иона назван Иоадам. Состав чтений в списках этой группы характеризуется большой идентичностью.

Для Синодской группы рукописей свойственно распределение нравоучительных статей по дням года. В четвертных списках, содержащих чтения на март-май, встречается только одна общая для всех рукописей статья: «Перенесение мощей св. Вячеслава, князя Чешского — 4 марта». В полугодовых списках отмечаются следующие славянские и русские чтения: «Память Кирилла Белозерского — 9 июня», «Слово о Исакии мнихе — 10 июня», «Память свв. мчч. болгарских — 23 июля», «Страсть мчч. Бориса и Глеба — 24 июля», «Почтение св. Климента на Преображение — 6 августа».

Группа названа по старшему списку СнА—1264, который принадлежит собранию Синода Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге.

В списках Устюжской группы нравоучительная часть рассредоточена по дням года. Русские и славянские статьи, отмечающиеся в данной группе, следующие: «Перенесение мощей св. Вячеслава, князя Чешского —

4 марта», «Успение Феодосия Печерского — 3 мая», «Слово от жития Феодосия Печерского — 3 мая», «Слово об Антонии Печерском — 7 мая», «Слово от чудес Николы Чудотворца — 9 мая», «Слово о черноризце, исходящем из монастыря — 10 мая», «Обретение мощей Леонтия Ростовского — 23 мая», «Слово, како дьявол изводит от пения человека — 26 мая».

Группа названа по списку СнА—1282, который принадлежал Устюжской церкви. Составом памятей эта группа сходна с Синодской, а составом житийной части близка к Хутынской, в частности, наличием русских статей, но есть поучения и из других редакций, возможно, и из Простого Пролога. Отличительной особенностью списков Устюжской группы является то, что под 16 мая в них находится только заголовок «Памяти Феодора, ученика Пахомия», а «Слово от патерика о пьянстве», помещаемое под 17 мая, названо «О покаянии».

Внутри этой группы расхождений практически нет, если не считать отсутствия «Памяти мч. Марина» в СнА—1282 (17 марта) и «Памяти мч. Иулиана» (18 мая) в СнА—1294. Взаимоотношения этих двух списков нам представляются таким образом: СнА—1294 1669 г. мог непосредственно списываться со СнА—1294 XVI в., возможно, между ними был и промежуточный список.

Для Хутынской группы списков характерно рассредоточение нравоучительной части по дням года. Русские и славянские статьи, отмеченные в данной группе, следующие: «Перенесение мощей св. Вячеслава, князя Чешского — 4 марта», «Слово о Исакии мнихе — 27 апреля», «Перенесение мощей мчч. Бориса и Глеба — 2 мая», «Успение Феодосия Печерского — 3 мая», «Слово от жития Феодосия Печерского — 3 мая», «Слово об Антонии Печерском — 7 мая», «Перенесение мощей Николы Чудотворца — 9 мая», «Слово от чудес Николы Чудотворца — 9 мая», «Слово о черноризце, исходящем из монастыря — 10 мая», «Память Мефодия, еп. Моравского — 11 мая», «Обретение мощей Леонтия Ростовского — 23 мая», «Слово, како дьявол изводит от пения человека — 26 мая», «Слово о Мартине, мнихе Туровском — 27 июня», «Успение блаженной княгини Ольги — 11 июля», «Память мчч. Феодора-варяга и сына его Иоанна, убиенных в Киеве — 12 июля», «Успение князя Владимира, крестившего Русскую землю — 15 июля», «Память свв. мчч. болгарских — 23 июля», «Страсть мчч. Бориса и Глеба — 24 июля», «Почтение св. Климента на Преображение — 6 августа».

Группа названа по старшему списку СнА—3935, принадлежавшему Хутынскому монастырю. Отличает эту группу от других наибольшее ко-

личество памятей в мартовском полугодии и наличие обычно двух слов в нравоучительной части.

Итак, в процессе типологического анализа определилось пять групп списков СП: Южнославянская, Троице-Сергиевская, Синодская, Устюжская и Хутынская.

Отличия Южнославянской группы от других видны в следующем: 26 марта в списках этой группы есть только заголовок «Памяти Архангелу Гавриилу», в других группах есть еще и текст; 19 июля в заголовке «Памяти четырех постниц» числительное написано словом, тогда как в остальных группах оно обозначено буквой **м**, т.е. не четыре, а сорок постниц! Под 7 августа в списках Южнославянской группы находим другое начало «Памяти данной от Бога христианам».

С Троице-Сергиевской данную группу сближает наличие только заголовка «Памяти принесения честного пояса Св. Богородицы — 12 апреля», в других группах есть еще и текст. И в той и в другой группе 8 августа игумен Феодосий назван Оровским, тогда как в других группах этого определения нет. И в Южнославянской, и в Троице-Сергиевской группах на 15 мая есть «Память Феодора Освященного», в других группах эта «Память» объединена с «Памятью преп. Пахомия». Следовательно, можно говорить о наличии общих типологических примет, сближающих эти группы.

В Синодской группе чтения на все полугодие содержит лишь список С—704.812, в июне сходный с Трц—716, следовательно, можно сравнить его в июне-августе с полугодовыми списками других групп. Из этого сопоставления видна близость чтений памятной части С—704.812 спискам Южнославянской группы и отличие его нравоучительной части от списков Синодской, Хутынской и Устюжской групп.

Списки Синодской группы составом памятей сходны с Южнославянской группой. Нравоучительная часть особая, отличается и от Хутынской, и от Троице-Сергиевской. Отличительные типологические приметы этой группы следующие: 25 марта «Поучение на Благовещение» названо «Словом». Только в списках Синодской группы есть «Память Кирилла Белозерского» и текст о нем (9 июня). Под этим же числом в списках данной группы находится не только заголовок, но и текст «Памяти Кирилла, архиепископа Александрийского».

Близость списков Синодской и Хутынской групп проявляется в том, что в них вместо слова «Обретение» написано «Возвращение мощей свв. мчч. и чудотворец и бесребреник Кира и Иоанна (28 июня)». Мученик

Иулий назван Тарсийским, а не «от Киликия», как в других рукописях под 21 июня.

Типологические приметы Хутынской группы состоят в следующем: у «Памяти Георгия, епископа Антиохийского — 19 апреля» кроме заголовка есть еще и текст о нем; в заголовке «Памяти» под 21 апреля Максим, архиепископ Константина града, назван епископом; в «Памяти», помещенной под 6 июля, сщмч. Астий назван Анастасием.

Таким образом, обнаружались общие типологические черты у Синодской и Хутынской групп, у Троице-Сергиевской и Синодской, у Устюжской и Хутынской, у Хутынской и Троице-Сергиевской, а также у Устюжской и Троице-Сергиевской. Две типологические приметы объединяют списки Устюжской и Синодской групп, по одной общей примете у списков Южнославянской группы с рукописями Синодской и Устюжской групп, и совершенно нет совпадений у Южнославянской и Хутынской групп. Все эти приметы связаны, во-первых, с изменениями в названии одних и тех же по содержанию памятней, во-вторых, с наличием или отсутствием наряду с заголовком «Памяти» еще и самого текста чтения. Из последних примет мы особо выделили примету, отличающую Синодскую группу от всех остальных. Это — наличие «Памяти Кириллу Белозерскому» оригинального древнерусского чтения. Данная примета, на наш взгляд, очень важна и в дальнейших исследованиях с привлечением большего количества списков может иметь большое значение для типологии.

История бытования исследуемых списков СП представляется нам в таком виде: южнославянские списки СП представляют собой первоначальный его вид, который попал на Русь в XIV в. через посредство, скорее всего, Сербии. Если эти списки (за исключением Скуп—31) были написаны на русской почве, то в их создании можно предположить участие сербских и болгарских писцов. Возможно также, что эти списки СП были просто привезены на Русь по мере их появления в Сербии или Болгарии. Вероятно также, что данные Прологи создавались в каком-то большом скриптории, где совместно трудились русские, инославянские и другие писцы, откуда затем списки расходились по разным странам. В подтверждение этой мысли можно привести факт существования СП молдавского полуустава, в котором в записи писца упоминаются правители Герцеговины.

Далее, на наш взгляд, этот вид СП был дополнен на Руси нравоучительными сказаниями, словами отцов Церкви, отрывками из житий, по одному такому чтению на каждый день. Были добавлены и памяти, но совсем немного, включены были и немногочисленные памяти древнерусским

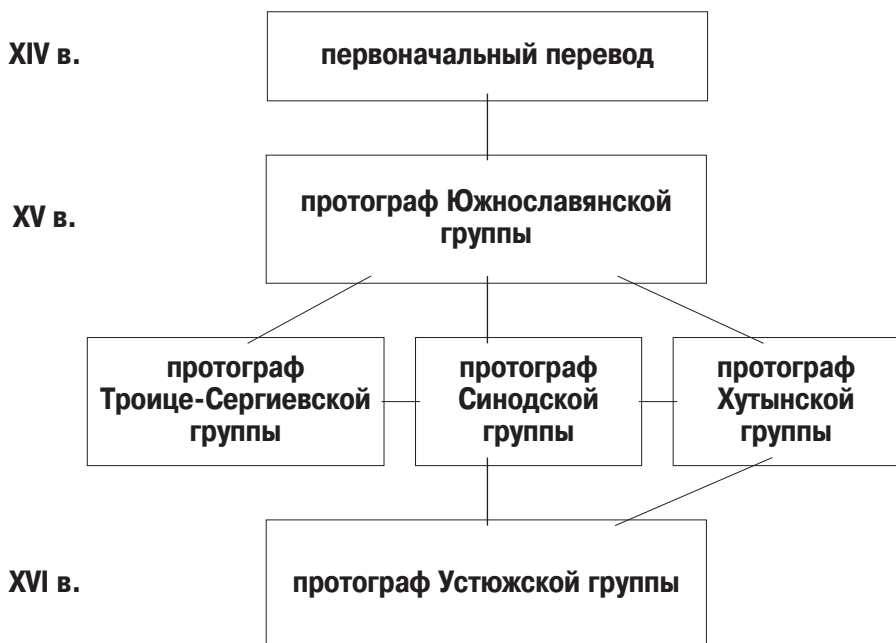
святым. Так возник Троице-Сергиевский вид СП. Возможно, это было сделано древнерусскими книжниками в самой Троице-Сергиевой Лавре уже в начале XV в., так как самый старший список этой группы Трц—715 датируется 1-й третью XV века. Откуда были взяты чтения для нравоучительной части, сказать трудно. Как мы уже отмечали, это тема отдельного исследования.

Другими нравоучительными сказаниями, тоже по одному на каждый день, южнославянский вид СП был дополнен также уже в XV веке, видимо, где-то на севере Руси, при этом почти неизменной осталась памятная часть. Таково, по нашему мнению, происхождение Синодского вида СП. Это предположение основывается на северной принадлежности трех рукописей этой группы и, в частности, самого старшего списка СнА—1264 XV в. На данном этапе исследования можно говорить лишь предположительно о северной принадлежности рукописей, основываясь на вкладных записях этих рукописей. Дальнейший лингвистический анализ позволит проверить сделанные выводы. Два Пролога в этой группе можно выделить в особую ветвь, так как стихными они являются лишь в майских главах, а в остальные месяцы представляют смешанную редакцию, состоящую из чтений СП и чтений 2-й распространенной редакции Простого Пролога. Отличие этих двух списков еще и в том, что в них есть памяти древнерусским святым, отсутствующие в других списках Синодской группы.

К Синодской группе близки по составу памяти Прологи Устюжской группы, но их нравоучительная часть во многом сходна с нравоучительной частью Хутынской группы. Видимо, при создании этих списков писцы пользовались Прологами Синодского, Хутынского вида, Прологами простой распространенной редакции, какими-либо сборниками житий и поучений. Из всех этих источников образовался своеобразный сплав в виде Прологов Устюжской группы, появление которой можно датировать XVI веком (по старшему списку СнА—1282).

Появление Хутынского вида СП связано с дополнением на русской почве южнославянского Пролога многочисленными памятями, а особенно сказаниями и поучениями; их на каждый день приходится как минимум по два. Редактирование южнославянского Пролога сказалось в том, что в его состав были введены памяти древнерусским святым и сказания о древнерусских святых в самом большом количестве по сравнению с другими группами. Причем сделано это было еще в XV в., о чем свидетельствует наличие рукописи СнА—3935, датируемой XV в.

Схематически история СП и отношения между группами могут быть представлены следующим образом:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бубнов Н.Ю. Славяно-русские прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 1.— М., 1973, с. 274—296.
2. Жуковская Л.П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология.— М., 1968, с. 199—332.
3. Жуковская Л.П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога: (избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации.— М., 1983, с. 110—120.
4. Жуковская Л.П. Проложное житие Афанасия и Кирилла Александрийских. (Наблюдение над текстом и языком списков) // Источники по истории русского языка XI—XVII вв.— М.: Наука, 1991, с. 60—72.
5. Петухов Е.В. К истории древнерусского Пролога // Материалы и заметки из истории древнерусской письменности.— Киев, 1894, с. 1—31.

6. *Сергий, архимандрит*. Полный месяцеслов Востока. Т. 1.— 2-е изд.— Владимир, 1901, с. 277—340.
7. *Сперанский М.Н.* История древней русской литературы.— М., 1914, с. 197—486.
8. *Ундольский В.М.* Библиографические разыскания по случаю выхода описания Библиотеки имп. Московского общества истории и древностей Российских, составл. П.М.Строевым // *Москвитянин*, 1846, № 11—12.
9. *Турилов А.А.* Оригинальные южнославянские сочинения в русской книжности XV—XVI вв. // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории.— М., 1978, с. 39—50.
10. *Фет Е.А.* Новые факты к истории древнерусского Пролога // *Источниковедение литературы Древней Руси*.— Л., 1980, с. 53—71.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗВЕСТНЫХ СПИСКОВ СТИШНОГО ПРОЛОГА МАРТОВСКОЙ ПОЛОВИНЫ¹

Списки Южнославянской группы

1. А—13.7.13, СП, 19 октября-март, XV в., сербский, 450 л., 10, БАН, 13.7.13. Сырку.
2. А—13.8.1, СП, март-август, XV в., сербский, 10, 295 л., БАН, 13.8.1. Сырку.
3. А—24.3.90, СП, отрывки, май-август, сер. XV в., 10, 17 л., болгарский, БАН, 24.3.90., Срезн.1.25.
4. А—34.7.7, СП, март-май, 1607 г., сербский, 10, 215 л., БАН 34.7.7.
5. СКП—31, СП, март-август, 1 пол. XV в., сербский, 10, 292 л., РГБ, ф.789, оп. 2, 31, (микрофильм). Подлинник находится в собрании Скопльской митрополии в Югославии.
6. Унд—82, Миняя, СП на май, 1577 г., молдавский, 10, 145 л., РГБ, собрание Ундольского, ф. 310, 82.
7. Фол—753, СП, 21 марта-17 августа, XVI в., сербский, 10, 150 л., РНБ, собрание Основное, F (фолио), F 1 753.

¹ Списки приведены в алфавитном порядке их шифров по редакциям.

Списки Троице-Сергиевской группы

8. С–704.812, СП, март-август, 1631 г., русский, 10, 714 л., РНБ, собрание Соловецкое основное, 704.812.
9. Соф–1350, СП, март-май, сер. XVI в., русский, 10, 313 л., РНБ, собрание Софийское Новгородское, 1350.
10. Трц–715, СП, март-май, 1 треть XV в., русский, 10, 366 л., РГБ, собрание Троице-Сергиевское, ф. 304, 1, 715.
11. Трц–716, СП, март-июнь, XVI в., русский, 10, 644 л., РГБ, собрание Троице-Сергиевское, ф. 304, 1, 716.

Списки Синодской группы

12. СА–60.1426, СП, март-август, 1630 г., русский, 10, 524 л., РНБ, собрание Соловецкое Анзерское, 60.1426.
13. СнА–1264, СП, март-май, XV в., русский, 10, 307 л., РГИА, СПб., собрание Синода, ф. 834, оп. 2, 1264.
14. СнА–1281, СП, март-май, XVI в., русский, 10, 278 л., РГИА, СПб., собрание Синода, ф. 834, оп. 2, 1281.
15. СнА–1297, СП, май-август, нач. XVII в., русский, 10, 360 л., РГИА, СПб., собрание Синода, ф. 834, оп. 2, 1297.
16. Соф–1349, СП, март-май, 1 пол./сер. XVI в., русский, 10, 370 л., РНБ, собрание Софийское Новгородское, 1349.
17. Фол–683, СП, март-май, XV в., русский, 10, 236 л., РНБ, собрание Основное, F (фолио), F 1 683.

Списки Хутынской группы

18. А–16.12.11, СП, март-август, XVI в., русский, 10, 555 л., БАН, собрание Основное, 16.12.11.
19. ГПНТБ–6.9, СП, март-май, 2 пол. XVI в., русский, 10, 729 л., ГПНТБ СО РАН (Новосибирск), собрание Красноярское, F.6.9.
20. ОДПФ–212, СП, март-май, XVI в., русский, 10, 446 л., РНБ, собрание Общества Любителей Древней Письменности (ОЛДП), ф.536, F 212.
21. С–703.811, СП, март-август, XVI в., русский, 10, 489 л., РНБ, собрание Соловецкое основное, 703.811.

22. СнА—1271, СП, с 6 марта — по 27 мая, XV-XVI вв., русский, 10, 310 л., РГИА, СПб., собрание Синода, ф., 834, оп. 2, 1271.
23. СнА—1613, СП, май-август, нач. XVI в., русский, 10, 341 л., РГИА, СПб., собрание Синода, ф. 834, оп. 4, 1613.
24. СнА—3935, СП, март-май, XV в., русский, 10, 348 л., РГИА, СПб., собрание Синода, ф. 834, оп. 3, 3935.
25. Тит—239, СП, март-май, XVI в., русский, 10, 430 л., РНБ, собрание Титова, 239.
26. Тит—1217, СП, март-май, XVI в., русский, 10, 394 л., РНБ, собрание Титова, 1217.
27. УЦ—147, СП, 12 марта-август, русский, кон. XVI в., 10, 528 л., ИРЛИ, собрание Усть-Цилемское, 147.
28. Фол—374, СП, март-май, XVI в., русский, 10, 548 л., РНБ, собрание Основное, F (фолио), F 1 374.

Списки Устюжской группы

29. СнА—1282, СП, март-май, кон. XVI в., русский, 10, 254 л., РГИА, СПб., собрание Синода, ф. 834, оп. 2, 1282.
30. СнА—1294, СП, февраль-май, XVII в.(1669?), русский, 10, 334 л., РГИА, СПб., собрание Синода, ф. 834, оп. 2, 1294.